

17.4.99

227

Юркий Сергей Юрьевич

Волшебная сила литературы

Независимая газ. — 1999 — 17 апр. — с. 7

В МИНУВШИЙ вторник сцена московского театра «Школа современной пьесы» была отдана пятерым литераторствующим актерам — Валентину Гафту, Льву Дурову, Владимиру Качану, Леониду Филатову и Сергею Юрскому. Устроить их совместный творческий вечер придумал главный режиссер театра Иосиф Райхельгауз, и, надо думать, соединить этих людей с непростыми характерами было не самым простым делом.

Райхельгауз и художник Борис Лысиков вынесли на сцену пять гримированных столиков и поставили каждый на невысокий скромный пьедестал. Открылся тюлевый занавес, взятый напрокат из спектакля «Уходил старик от старухи» (с видом на станцию Астапово), и зрители принялись аплодировать привычно устроившимся за своими столиками актерам-писателям.

В гриме и костюме Льва Толстого к авансцене приблизился Лев

Дуров. Немного поработав в жанре капустника, он быстро передал слово Леониду Филатову. Филатов извинился за то, что будет сидеть («я еще плохо хожу и плохо говорю, поэтому вы, если что не поймете, делайте вид, что все понимаете»), принялся за чтение своего варианта аристофановской «Лисистраты», причем у Филатова старая история о женщинах-пацифистках, отказавших своим воинственным мужьям в интимной близости, приняла, пожалуй, еще более фривольный вид, чем у «отца комедии». «Для меня этот вечер очень важен, — сказал Филатов, — потому что впервые за пять лет я вышел на сцену». После этих слов зал поднялся и, стоя, устроил актеру овацию.

Владимир Качан исполнил несколько песен на стихи Леонида Филатова, а затем перешел к прозе — прочитал рассмешивший зал отрывок из напечатанной в «Октябре» повести «Роковая Маруся».

Смешить зрителей продолжил уже избавившийся к этому времени от толстовской бороды Лев Дуров. Так же, как и Лев Николаевич под старость, Лев Константинович работает в жанре «были», причем трудно понять: то ли это у него были похожи на небылицы, то ли, наоборот, небылицы — на были. Творческий зуд — дело заразительное, и, видно, под конец первого отделения он стал столь силен и всеохватен, что даже Иосиф Райхельгауз вспомнил о своем пиитическом прошлом и прочел сочиненный им в пятом классе средней школы трогательный гимн Кременчугской гидроэлектростанции.

Второе отделение открыл Юрский. Сергей Юрьевич начал с прозы (недавно вышла его книга «Содержимое ящика»), а потом понастоящему хорошо прочел два своих по-настоящему хороших стихотворения. Когда после Юрского к зрителям вышел Валентин Гафт, он не смог удержаться от по-

хвал в адрес этих стихов, и видно было, что считает он так искренно, а не делает дежурные комплименты, как обычно актер актеру. Сам Гафт, как известно, предпочитает жанр поэтической миниатюры, и многие из этих шуточных стихов и эпиграмм хорошо известны залу. Вечер был закончен тремя свежими эпиграммами, сочиненными, по уверению Гафта, только-только («На Леню, правда, написать не успел», — сказал он). Владимир Качан был уподоблен Гафтом гитаре, эпиграмма на Юрского больше походила на мадригал («Читает просто, мудро и лукаво», — почти восхищенно написал Гафт про Юрского), и лишь строки, посвященные Льву Дурову, могли быть названы классической эпиграммой:

*Актер, писатель, режиссер...
Но Леву это не колышет.
Писать он стал с недавних пор.
Совет, поверит и запишет.*

Иван ФЕДОРОВ